

Цикл
«ВТОРОЙ АПОКАЛИПСИС»

Князь Пустоты:

Тьма прежних времен
Воин-Пророк
Тысячекратная мысль

Аспект-Император:

Око Судии
Воин Доброй Удачи
Великая Ордалия
Несвятой Консулт

А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «Зачем ты так сделал?» Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?

Послание к римлянам, 9:20-21

«Наиславнейший экзальт-министр, да приумножатся дни твои.

За грех вероотступничества закопаны они были по шею, как в прежние дни, и камни швыряли в лица им, пока не прекратилось дыхание. Трое мужчин и две женщины. Ребенок отрекся от родителей и даже проклял их во имя наиславнейшего нашего аспект-императора. Этот мир лишился пяти душ, но небеса приобрели одну, хвала Богу Богов.

Что до текста, боюсь, твой запрет пришел слишком поздно. Как ты и подозревал, это было повествование о Первой Священной войне, увиденной глазами изгнанного колдуна Друза Ахкеймиона. Воистину дрожит рука моя при мысли, что придется излагать порочные и мерзостные измышления его, но поскольку оригинал уже предан огню, я не вижу иного пути удовлетворить твое повеление. Справедливо говоришь ты: ересь редко бывает обособленной, и по своей сути, и по своим плодам. Так же как, имея дело с болезнями, надо изучать отклонения, готовить целительные снадобья, пока хворь не развилась в более злокачественную форму.

Для краткости ограничу свое изложение теми частными утверждениями, что прямо либо косвенно противоречат Доктрине и Писанию. В этом тексте Друз Ахкеймион заявляет, что:

1) вступал в сексуальную связь с нашей святой императрицей накануне триумфальной победы над язычниками-фанам при Шайме в ходе Первой Священной войны;

2) *вызнал некие секреты, касающиеся нашего священно-го аспект-императора, как то: что Он не является живым воплощением Бога Богов, но принадлежит к дунианам, тайной секте, посвятившей себя овладению всеми сторонами жизни, как телесными, так и духовными. Что Он превосходит нас не так, как превосходят людей боги, но так, как превосходят детей взрослые. Что Его заудуньянское истолкование айнритизма — не более чем инструмент, средство манипулирования народами. Что невежество превратило нас в Его рабов.*

(Признаюсь, это тревожит меня больше всего, ибо хоть и знаю я, что слова и дела, сколь возвышенны бы ни были, всегда допускают несправедное толкование, я никогда ранее не отдавал себе отчет, насколько наши убеждения управляют нашими поступками. И, как вопрошает оный Ахкеймион, если все люди заявляют о своей правоте, как это всегда происходит, кто отличит, который из них провозглашает истину? Убежденность тех, кого отправил я прочь из этого мира, вера, живущая вплоть до самой смерти, теперь тревожит меня — таков предательский праздный ум.);

3) *Священная война аспект-императора нашего, затеянная с целью не допустить воскрешения Не-Бога, — выдумка. Допустим, это лишь подразумевается, поскольку текст явно был написан прежде, чем созвана Великая Ордалия. Но при том, что Друз Ахкеймион был некогда колдуном школы Завета и, следовательно, подвержен проклятию видеть Сны о Первом Апокалипсисе, его сомнения выглядят странно. Разве не должен такой человек приветствовать приход Анасуримбора Келлхуса и его войну, призванную предотвратить Второй Апокалипсис?*

Такова общая суть того, что я помню.

Вытерпев все это богохульство, я понимаю всю глубину твоей обеспокоенности. Услышать, что все пережитое и выстраданное нами за последние двадцать лет войны и откровений есть ложь, — уже неслыханное оскорбление. Но услышать подобное от человека, кото-

рый не только сопровождал Мастера в начале пути, но и учил его? Преисполняясь скорби, я уже приказал казнить моего личного раба, который только лишь прочел этот текст по моему повелению. Что до меня, ожидаю твоего скорейшего решения. Не молю о твоей пощаде и не жду ее: нам предписано судьбой расплачиваться за свои поступки, сколь благочестивыми намерениями ни были они продиктованы.

Есть нечистота, устранить которую не может ветошь, а может только нож. Это я понимаю и принимаю. Грех есть грех».

ПРОЛОГ

Когда взрослому мужу свойственна невинность ребенка, мы зовем его глупцом.

Когда ребенку свойственно хитроумие взрослого мужа, мы зовем его ищадем ада. Как и у любви, у мудрости тоже своя пора.

*Айенсис. Третья аналитика
рода человеческого*

*Осень,
19-й год Новой Империи (4131 год Бивня),
Длинная сторона*

Под пологом леса длинно и уныло прозвучал рог. Рог, в который дул человек. Несколько секунд все было тихо. В гордой вышине арками изогнулись ветки, могучие стволы грозно возвышались над ложбинами, заполненными куцыми молодыми деревцами. Из мрака переплетенных ветвей предостерегающе вскрикнула белка. Ринулись в насторожившееся небо скворцы.

Они приближались, мелькая в полосах солнечного света и теней.

Они бежали через хлещущие ветки подлеска в ярости и возбуждении, завывали от вожделения, углубляясь в шатер чащи. Они заполонили крутые склоны, взбивая ногами листья и перегной. Около деревьев они останавливались, рубя кору ржавыми выщербленными клинками. Тонкими носами принюхивались к небу. Когда они корчили гримасы, их

пустые и красивые лица сминались, как шелк, придавая им вид древней вырождающейся расы.

Шранки. Со щитами из лакированной человеческой кожи. В нагрудниках, отделанных человеческими ногтями, и ожерельях из человеческих зубов.

Снова прозвучал далекий рог, и они остановились озлобленной толпой, потоптались на месте, коротко перебросились лающими словами. Часть пришедших исчезла в подлеске размашистым и стремительным волчьим шагом. Прочие остались стоять, трясая чреслами от предвкушения. Кровь. Они чувли кровь человекoв.

Семя брызнуло на лесную почву. Они втоптали его в грязь. Смрад привел их в неистовое ликование.

Разведчики вернулись, и, слушая их разноголосое бормотание, остальные тряслись и вздрагивали. Как давно не доводилось им утолить свой ненасытный голод. Как давно не преклоняли они колена пред алтарем вздрагивающих конечностей и стонущей плоти. Они уже мысленно видели искаженные паникой лица. Видели оставленные ножами дыры и льющуюся потоком кровь.

Они помчались вперед, вопя от радости.

Преодолев невысокий холм, они обнаружили свою добычу: люди изо всех сил бежали вдоль подножия изломанной скалы, пытаясь уйти в дальний конец ущелья, которое, по чудесному совпадению, начиналось через несколько сотен шагов. Шранки завьли, заклацали зубами и беснующимися вереницами понеслись вниз по склону. Они двигались широкими прыжками, поскальзываясь на листьях, выбирали участки земли поровнее, карабкались, бежали, горя жаром в полусгнивших штанах, и радовались, видя, как до сладких человекoв, с их соблазнительными мордами и не менее соблазнительными ляжками, остается всего несколько шагов, все ближе и ближе, вот уже почти в пределах досягаемости бешено машущих мечей...

Но вдруг земля — земля! — обвалилась под ними, как листья, подброшенные в воздух!

Десятки шранков, пронзительно крича, ухнули в черноту. Остальные толкались и теснились, пытались остановить-

ся, но были сбиты с ног своими ополоумевшими собратьями. Они улетали вниз, во внезапно разверзшуюся пропасть, и их крики постепенно затихали, один за другим удаляясь и сменяясь тишиной. Все вдруг стало непонятным, повсюду затаилась опасность. Боевой отряд гомонил от испуга и досады. Никто не смел пошевелиться. Вращая глазами, они с вожделием и предвкушением вглядывались в пространство...

Люди.

Горстка упрямцев бежала по коварной земле словно бы по волшебству. Они ворвались в ряды шранков, высоко вздымая и опуская мечи. Щиты трещали. Литое железо гнулось и ломалось. Руки, ноги, головы летали по воздуху, оставляя за собой кровавый след.

С ревом и криками люди повергли шранков наземь, избив до подергивающихся останков.

— Скальпер! — выкрикнул одинокий путник. Голос у него был хриплый и сорванный, как у старого вояки. Он прогремел на все ущелье, перекрывая однообразный шум воды. Люди выше по реке все как один выпрямились и посмотрели в его сторону.

«Как животные», — подумал он.

Безразличный к их взглядам, он пошел дальше, осторожно выбирая путь по предательским камням и через каждые несколько шагов оступаясь в воду. Он миновал шранка, белого, как дохлая рыба, который плавал вниз лицом в полупрозрачной красной луже.

Путник поднял взгляд туда, где стены сжимали небо в извилистую щель. Через просвет были навалены деревья, образуя стропила для импровизированного потолка из ветвей и палок, сверху закиданных листьями. Сквозь многочисленные дыры ярко просвечивало небо. Листья все еще падали вниз нескончаемым водопадом. Если считать по количеству неподвижных фигур, беспорядочно валяющихся на камнях по одному и кучами, ловушка оказалась очень удачной. Речная пена кое-где стала розовой и пурпурной.

Люди вернулись к работе, но трое из них продолжали настроенно за ним следить. Он не сомневался, что тот, которого он разыскивает, здесь.

Путешественник неспешно подошел к людям. Вонь разорванных внутренностей перебивала запах воды и камня. Большинство артельщиков перебирали мертвых шранков. Растаскивали наваленные друг на друга трупы. Вылавливали из воды проломленные головы. Сверкали ножи. Монотонные действия: зацепить кожу, отрезать, сдернуть, перейти к следующему. Зацепить, отрезать, сдернуть — и опять, и опять. У каждого шранка с макушки надо было срезать кусок кожи.

Рядом мыл кучу скальпов юный галеотский воин. Он полоскал их в воде и раскладывал, блестящие и лоснящиеся, на сухом камне. Каждый экземпляр он брал с комичной бережностью, как безумец кусок золота — с каковым, впрочем, сравнялись скальпы на Среднем Севере. Хотя аспект-император снизил вознаграждение, от честных скупщиков за один скальп еще можно было получить целый серебряный келлик.

Появление путника не осталось незамеченным, и он это понимал. Артельщики лишь притворялись безразличными. Обычно чужаков они встречали только по пути на юг, к перекупщикам, нагруженные сотнями выдубленных скальпов, перевязанных кожаными веревками. Эта работа — сбор и подсчет — составляла самую негероическую часть их ремсла. Это был их цеховой секрет.

И самый важный.

Почти одиннадцать лет прошло с тех пор, как аспект-император назначил вознаграждение за скальпы шранков, еще не закончилась последняя война за Объединение. За скальпы — потому что они лишены волос и легко удостовериться, что они принадлежат шранкам, которые расплодились в огромных количествах. Такие люди, как эти охотники, полагал путник, с гораздо большим удовольствием принялись бы добывать тех, кто менее склонен в ответ убивать их самих — например, женщин и детей.

Так началась эпоха охоты за скальпами. Несметные тысячи желающих подались в северные безлюдные края, экспедиция за экспедицией, сколачивать себе богатство на этой охоте. Большинство из них погибали в течение нескольких недель. Но те, кто усвоил урок, кто был хитер и безжалостен не меньше своих врагов, преуспевали.

А некоторые из них — совсем немногие — стали легендами.

Человек, которого разыскивал путник, стоял на круглом камне, наблюдая за работой. Путник отличил его по упрямой приверженности традиционному одеянию его касты и его народа: складчатая боевая юбка, вся в серых и черных пятнах и везде продырявленная; панцирь из полусгнившей кожи с ржавыми нашитыми пластинами; конусообразный шлем, отогнутый назад, как бараний рог. Человек казался пришельцем из другой эпохи. Еще один, скрывавший лицо под черным капюшоном, сидел в трех шагах позади первого, подавшись всем телом вперед, словно силился что-то слышать в несмолкаемом плеске воды. Странник поглядел на него, будто оценивая, затем вновь перевел взгляд на первого.

— Я ищу одного айнонца, — сказал он. — Человека, которого называют Железная Душа.

— Это я буду, — ответил стоящий. Лицо его украшали татуировки в стиле, любимом его соплеменниками. Черные линии вокруг глаз. Пурпурные губы. Взгляд его не порицал и не допытывался, оставаясь спокойным, как у скучающего наемного убийцы. Безразличным.

— Ветеран, — сказал путешественник, почтительно, как подобало, склонив голову. Не поприветствовать должным образом и не воздать почести тому, кто пережил Первую Священную войну, считалось немалым оскорблением.

— Как ты нас нашел? — спросил человек на своем родном языке. По тону чувствовалось, что он презирует разговоры и так же ревниво бережет свой голос, как и своих женщин, и свою кровь.

Путник не стал обращать внимания. Люди вольны ценить все, что им заблагорассудится.

- Мы всех находим.
Едва различимый кивок.
— Что вам нужно?
— Ты, охотник. Нам нужен ты.

Айнонец обернулся на своего товарища, укрытого капюшоном. Никаких слов, лишь непроницаемый взгляд.

*Поздняя осень,
19-й год Новой Империи (4131 год Бивня),
Момемн*

Человек вечно стремится скрыть подлое и низкое в своей натуре. Вот почему, уподобляя себя животным, он называет волков, львов или даже драконов. Но больше всего, подумал мальчик, человек напоминает презренного жука. Брюхо прижато к земле. Сгорбленная спина отгораживает от мира. Глаза слепы ко всему, за исключением того немногого, что могут увидеть.

Закончив Погружение, Анасуримбор Кельмомас сидел на корточках в тени гранита и, разведя колени и наклонившись к земле, чтобы лучше видеть, наблюдал за насекомым, которое убегало прочь по древним плитам пола. Сверху беззвучно покачивался большой железный светильник в виде колеса со свечами, но его свет был лишь чуть ярче отблеска на спинке жука. Обхватив руками колени, Кельмомас переполз вперед, поглощенный мелкой суетой насекомого. Хотя позади вздымалась мрачная чаща колонн, голоса хора раздавались где-то совсем близко, из множасьихся теней мальчика, вознося гимны, в которых звучали самые льстивые славословия Храмовой молитвы.

О милосердный Бог Богов,
Ты, что пребываешь среди нас,
Несть числа священным именам твоим...

— Покажи, — прошептал жуку Кельмомас. — Проведи меня...